

JINDŘIŠKA PILÁTOVÁ

Ołomuniec

Метафоризация события в русской и чешской прессе

Вышедши за рамки чисто лингвистического исследования, метафора и другие образные средства языка на протяжении XX века завоевывают статус более общих принципов вербального и невербального поведения человека и закономерно становятся объектом изучения семиотики или когнитивной психологии и лингвистики. В последнем случае метафора рассматривается как изначально мыслительный процесс, получающий в последствии формальное отражение в языке [Lakoff, Johnson 1980, Nebeská 2005]. Другими словами, метафора – это первично не языковое, а ментальное явление, когнитивный механизм образного восприятия, концептуализации действительности. Устойчивая или актуальная в языке метафора – это, следовательно, конкретный результат общего мыслительного процесса и ценный для анализа отпечаток того, как данный говорящий, этнос, культура или субкультура относится к внеязыковой действительности. В настоящем докладе метафоризация исследуется не в рамках определенной языковой структуры (лексикосемантическое поле, фразеология), а в плане речи, т.е. актуального образного восприятия русской и чешской прессой одного события.

Вербализация окружающей действительности, т. е. прямое или переносное языковое отражение, отличается, по мнению Л. Назаренко [2007, 33], более сложной ступенчатой структурой. В начале стоит концептуальная репрезентация мира, на которую накладывается чувственное восприятие мира, и наконец языковая репрезентация. По своей сущности концепт – единица культурно-ментально-языковая, итак, специфическая концептуализация мира, фиксируемая в случае прямой и переносной вербализации, свидетельствует о многочисленных лингвистических, прагматических и культурологических аспектах восприятия мира. Есть предположения [Lakoff, Johnson 1980], что именно метафора, будучи средством образного восприятия мира, способна передать информацию о приоритетной точке

зрения – отчета данной культуры, о системе ее оценок и когнитивных стереотипах данной общности.

В условиях газетно-публицистического стиля метафора, естественно, выступает не в полном масштабе приписываемых ей функций [ср. 9 функций – Pavelka 1982]. Ее ассоциативный потенциал сужается, и ее основная задача, по мнению ученых [Ве́шка 1971, Костомаров 1971], сводится к образной конкретизации понятия, т. е. метафора призвана дать свежую, более привлекательную формулировку абстрактной идеи. Несмотря на это, метафора и в публицистическом дискурсе отличается определенным семантическим преимуществом перед синонимичной прямой номинацией – ей свойственна информационная емкость, высший экспрессивный и эмоциональный потенциал и сильный убеждающий эффект на реципиента. В результате, по мнению Л. Назаренко [Назаренко 2007, 35], «любой жанр политической коммуникации характеризуется высокой степенью метафорической насыщенности».

Навязывая определенную точку зрения, метафора способна, с одной стороны, облегчить понимание нового факта по аналогии с хорошо известным понятием и, с другой стороны, способна ограничить понимание, манипулируя сознанием реципиента в желаемом направлении. Таким образом, удачный выбор метафорического образа в общественно-политическом дискурсе считается бесценным орудием манипуляции общественным сознанием и оценками. По словам Л. Назаренко [2007, 37], «прагматический потенциал метафор сознательно используется в политическом дискурсе для переконцептуализации картины мира адресата». Например, выдвигаемую в 2006 г. Джорджем Бушем и его администрацией метафору «войны» в Ираке Дж. Лакофф [Lakoff 2006a] считает ложным и обманчивым фреймом, который обслуживает только интересы американской администрации и партии власти. Указанный фрейм ассоциируется с нужными для истеблишмента оценками населения – борьба «добра» (США) против «зла», нравственность борьбы, смелость борцов и всеобщая народная поддержка и доверие властям «добра». В результате, альтернативные номинации не допускаются. Называя данное положение «оккупацией Ирака», Лакофф [Lakoff 2006a] обозначает фрейм войны «неудобной в политическом отношении правдой». Итак, образное освещение действительности авторитетными органами является удобным орудием не только языкового и концептуального понимания происходящего, но и орудием моделирования определенного внеязыкового поведения аудитории. Прием манипулирующей стилизации характерен для политизированного языка – в частности, языка тоталитаризма, языка правды и лжи, языка рекламы или языка стереотипных анекдотов.

Публицистическая метафора, подобно газетно-публицистическому стилю, динамична, неустойчива, и быстрая смена образных моделей отражает непосредственный «вкус» данной эпохи или культуры. После бархатной революции 1989 г., например, по мнению исследователей оказался в чешской прессе активным образ положительной стихии – ветра изменений (ср.: 1989

– ČR – *Václavským náměstím zadul vítr naděje*) [Šechová и др. 1997]. В случае русского языка О.Н. Григорьевой [Григорьева 2000, 107] замечаются в постперестроечные годы XX в. следующие продуктивные метафорические образы – образ болезни (*финансовый коллапс, моральная реанимация*), еды (*пережарить очередное скандальное блюдо, всеядный в политическом смысле*), войны (*форпост буддизма, визовая война, финансовая агрессия*), апокалипсиса (*крах экономики, экологическая катастрофа, СПИД – чума XX века*), преступности (*политические разборки, постоянно будем на игле*), игры и судьбы (*судьба «Яблока» – быть одиноким утесом в политическом океане*). К центральным моделям метафорического осмысления современной российской реальности относятся, по заключениям А.П. Чудинова [Чудинов 2001], модель *Россия – это преступное общество* (ср. *Аграрная фракция – это политические мошенники, Банду Ельцина – под суд*) и милитаристская метафора (ср. пр.: *Ельцин – полководец без армии, Над предвыборным фронте без перемен*). Несмотря на неустойчивый, временной характер публицистических метафор, которые быстро подвергаются автоматизации или подмене другим образом, мы полагаем, что они содержат в себе определенный, заранее предвзятый и культурно-обусловленный ключ к восприятию и оценке действительности.

В рамках настоящей статьи мы стремимся изучить метафоризацию на материале двух разных, социально значимых понятий – празднования 60-летия окончания ВОВ в мае 2005 г. и Олимпийских игр в Пекине 2008 г. В первом случае отмечены в русской и чешской газете в процессе образной концептуализации майских событий 2005 г. две одинаковые метафорические модели – «войны/борьбы» и «игры/спорта». Другими словами, в газетном тексте активизируется, с одной стороны, лексико-семантическое поле «боя, борьбы, войны» или, с другой стороны, «спорта, игры» с целью осмысления и оценки современных европейских событий, ср.:

Битва за историю

вести осадное положение в городе (ср. меры безопасности в Москве в мае 2005 г.)

общий враг – международный терроризм

подзарядиться фронтовыми воспоминаниями и фронтовыми 100 грамами

чтобы победить в сражении за право на единственно верную интерпретацию истории

vést válku proti ženám

Rudé náměstí se změní v pevnost

policisté „obklíčí“ centrum

obraz rozesmátého ruského vojáčka však dostal raketový zásah v srpnu 1968.

Данная модель, по нашему мнению, подтверждает определенную семантическую и семиотическую близость событий 1945 и 2005 гг. Актуализация

в дискурсе темы спорного военного конфликта XX в. приводит к тому, что именно образ войны – сражения становится областью-источником [source domain, Lakoff 2006b] для метафоризации «мирных» событий 2005 г. Итак, имеет место семантическая проекция, сканирование между обоими понятиями и номинациями. Драматический тон модели войны, с другой стороны, несколько смягчается оригинальной моделью «игры», дающей, как правило, условную ироническую оценку происходящего, ср.:

жонглирование цифрами
сыграть вничью с историей
подхватить эстафету ошибок

země byla vlivným hráčem na světové šachovnici
Pražské povstání se stalo tragickou obětí mocenských her.

Кроме того, в русском материале – в отличие от чешского – зафиксированы еще две продуктивные модели, а именно модель «семьи» и модель «колонизации» Востока Западом, ср.:

Сегодня мы – наследники Великой Победы, дети Великой страны.
Россия как вечно обиженная младшая сестра, которая когда-то была хозяйкой в евро-азиатском доме.

Москвичи – аборигены, лишь по окраинам и взятым под контроль нескольким центральным резервациям будет разрешено веселиться русскому народу.

Власти нынешней Россиянии отвели патриотам роль индейцев из резервации.

Модель «семьи», в данном случае, на наш взгляд, подчеркивает в русском контексте значимость исторической преемственности, неоспоримых тесных связей прошлого и настоящего, а также роль модели дома, домашнего фона и уюта вообще. Модель «колонизации», в свою очередь, отражает оппозиционное настроение русской общественности и прессы по отношению к решениям официальных властей, доходящее до меткой пародии и иронии с сильным отрицательным прагматическим эффектом.

Помимо более широко тематического разброса русской метафоризации, разница между русским и чешским материалом состоит в количестве и форме применения образных номинаций. В русском публицистическом тексте отмечена большая частотность применения, творческий характер авторских метафор и развернутая форма образной номинации. Развернутая метафора в русском тексте часто становится строительным приемом части текста, развивая исходный образ, а также усиливая его когнитивный эффект и воздействующий потенциал, ср.:

Город на Ангаре накрыло дымовой завесой красивых и правильных слов (кого) [...] И снова дым застилает глаза, обволакивает мозги, рождая

галлюцинации: белые – красные, Гитлер – Сталин. Туман пустословия накрывает все российское пространство. И кто же наконец разгонит это ненастье?

В случае образного осмысления спортивных событий на Играх в Пекине 2008 г. опять между русским и чешским материалом замечены случаи принципиального сходства метафорической проекции. Применяется, например, сходная структурная модель «пути» (ср.: *80 медалей для нас были ориентировочной целью; Phelps jde tvrdě za svým cílem; Synek míří k medaili; Ani jeden tu v Pekingu cestu nezkrříží*) или ориентационная модель вертикальности («вверх – хорошо», «вниз – плохо», ср.: *Командные виды спорта находятся на спаде; Очевиден провал в велоспорте; В рейтинге Россия упала на 9-е место; Benešová, Vaidišová padly v prvním kole*). К продуктивным областям-источникам устойчивой и творческой метафоризации можно на основе нашего материала отнести четыре следующих случая:

- 1) понятийное поле «борьба, сражение, война»
- 2) понятийное поле «театр, зрелище, драма»
- 3) понятийное поле «нереальный мир – мир сказки, мифа»
- 4) понятийное поле «экономическая деятельность».

Итак, на понятийное поле «спортивное событие – спортивная встреча двух сторон» накладывается чаще всего понятийное поле «борьбы, противоборства, войны», порождая в русской и чешской прессе узуальные конвенционные образы, ср.:

Они завоевывают для России медали...

Российские волейболистки на пляже сражались за выход в стыковые матчи.

Ну, нельзя на эту китайскую атаку смотреть и ничего не делать.

Елена Исинбаева покорила всю планету.

Майкл намерен побить рекорд.

Zítرا vstoupí do bojů o medaili první sportovci.

Kostecký vybojoval pro Česko zlatou medaili.

Phelps vyhlásil útok na osm zlatých medailí.

Michael Phelps dobyl už třetí zlato.

Метафорическое сканирование из данной области-источника в область-цель настолько продуктивно, что в его рамках создаются и свежие, оригинальные – окказиональные образные номинации – особенно в русском языке, ср.:

Быть одиночкой среди огромных пресс-армий приятно.

Китайское наступление по всем фронтам

Они [китайцы] взяли на вооружение советскую спортивную систему и гэдээровские методы.

Вслед за нашими спортсменами жертвами допинговой чистки стали американцы.

*В **амуниции** у каждого бегуна спрятан датчик.*

*Выходит, остаются еще в спорте **бастионы**, которые мы **держим**, несмотря ни на что.*

*Кое-что о «**легионеришах**» под флагом Грузии корреспондентам удалось узнать.*

*Střelci **drží** na olympiádách medailový **prapor**.*

*Čínská sportovní **armáda** splnila všechny své cíle.*

В дальнейшем при осмыслении олимпийских игр выступают на передний план ассоциативные связи из области драматического театрального искусства. Данная модель, по нашему мнению, имплицитно оценивает искусственность, нереальность олимпийских событий и, с другой стороны, подчеркивает эксклюзивный, драматический характер получаемых впечатлений, ср.:

*Сколько таких казусов осталось **за кулисами** больших Игр.*

*В Пекине **зажглись** новые русские **звезды**, появились новые олимпийские **герои**.*

*Медаль повисла на шее, и **королева** [Елена Исинбаева] перестала быть **актрисой**, она оказалась хрупкой женщиной.*

*В четвертый день Игр **анилаг** собрал матч [...]*

*Вчера к этому **квартиру** присоединился Майкл Фелпс [...] на этом **балу** медалистов он стал лидером.*

*Co zakrývají olympijské **kulisy**.*

*Peking zvedá **oponu**.*

*Byla to **show jednoho muže / sólo jednoho muže**.*

*sesadil ho z tenisového **trůnu***

*pondělní štafeta – **triler se šťastným koncem***

*Nadešel čas pro velkou Boltovu **show**.*

В-третьих, активизируется модель «события в Пекине – явления из не-реального мира». Источником образных ассоциаций служит или мифическое прошлое (сказки, легенды, мифы), или техническое будущее. Исключительные условия и достижения, таким образом, находят эталон для осмысления за пределами настоящего мира, ср.:

*Я же тут в спортивном **Вавилоне** [Пекине] [...]*

*Тренер нашей сборной – один из **шаманов** [...]*

*О маленьких **циклопах** (китайцах), победивших время.*

*Медали для Китая выигрывают не «**роботы**», а люди – другие.*

Комментатор назвал американцев [...] людьми из другой планеты. Таким образом, россияне, взявшие «серебро», лучшие на нашей планете.

*А Фелпс из **другой галактики**.*

*Спортсмены из Поднебесной – **зомби, машины, роботы**.*

*Jenže právě ony **sehrají hlavní role v souboji titánek**, který se odehraje v hale pro sportovní gymnastiku.*

*Ronaldinho – brazilský **kouzelník**.*

*V uzavřeném olympijském „**matrixu**”*

*Tři zlata? Dráhu ovládl **mimozemšťan**.*

*Phelps ale ukázal, že není jen plavecký **robot**.*

*Noc fotbalových **kouzel** – **génius** proti **géniovi**, umělec proti umělci.*

В последних, общим источником образных номинаций является понятийное поле «экономическая деятельность». Подготовка к или участие в спортивных событиях моделируется по аналогии с бюрократической экономической процедурой планирования результатов, ср. пр.:

*Майкл Фелпс **полностью выполнил свой медальный план**.*

*От первичного **графика** мы не **отстаем**.*

*Сборные Китая и США первыми **преодолели отметку** в 10 медалей.*

*Pět českých medailí je **účet**, který nenaplníje obecná **prání**,*

или по аналогии с приобретением результатов в экономике, ср.:

*«Серебро» – первая награда **в копилке** российской команды.*

*Китайцы **положили в свою копилку** еще шесть наград.*

*Ведь **в нашу национальную копилку** во вторник посыпалось первое «золото».*

*В Пекине он сможет пополнить свою **коллекцию**.*

*Česko **má na kontě** dvě zlaté medaile.*

***Manko** dokázal **stáhnout**.*

***Ve své sbírce** má už 11 zlatých medailí.*

*Zlato **přidala do sbírky** k bronzu.*

Несмотря на принципиальное сходство в мотивации образных наименований, в русском и чешском материале зафиксированы определенные расхождения в интенсивности метафоризации. С тематической точки зрения, в русской прессе особенно продуктивной является модель экономической деятельности, получающая в чешской ограниченное воплощение. Наоборот, в чешском более активно продвигается «агрессивная» модель «спортивное поражение – физическая ликвидация» (ср.: *Jak Synek **spráskal favorita***; *Veslař **zametl s trojnásobným mistrem světa**; suverén, který **drtil** jednoho soupeře za druhým*; *Australanky **popravily české basketbalisky***) и образные номинации, основанные на соматизмах (ср.: *na olympijskou medaili nakonec **nedosáhla***; *medaile mu proklouzla mezi **prsty***; *Medaile byla **na dlani**. Utekla*; *Chalupa měl **na dosah finále***). С формальной точки зрения, русский текст опять отличается более изощренной обработкой метафоры – налицо развернутая форма, развивающая изначальный образ, ср.:

*Быть одиночкой среди огромных **пресс-армий** архаично и приятно. Чувствуешь себя **мушкетером** семнадцатого века, которого отправили на современную **тотальную войну**. И вот над твоей головой с ревом проносятся **истребители** и по параболе летают **ракеты**, а ты идешь себе по зеленым полям и **шпагой сшибаешь** одуванчики.*

*Тренер нашей сборной – один из тех **шаманов**, что тренерской **колодушкой** помешивают в густом **чане**, где **бурлит варево** игры.*

Когнитивный эффект и поэтическая функция текста таким образом усиливается. Помимо развернутой формы, русской метафоризации свойственно и ярко оригинальное содержание авторских метафор. Метафоризация в русской прессе, следовательно, оказывается в сопоставительном плане более интенсивной, что касается индивидуальной формы, масштаба применения и мотивированности образных номинаций в тексте.

На основе нашего материала можно, кроме того, выразить некоторые сомнения относительно описания метафоризации как однонаправленного семантического движения из области-источника в область-цель. Оказывается, наоборот, что метафоризация носит более сложный характер семантического движения в разных направлениях, смежных по ассоциации с областью-источником и областью-целью. По нашему мнению, это движение похоже на своеобразную семантическую «диффузию» или цепочку метафор. Итак, например, события на Играх в Пекине 2008 г. передаются прежде всего при помощи образа «борьбы, боя, конфликта», и, с другой стороны, спортивные образы одновременно служат источником метафоризации других событий – спортивных и общественно-политических, ср.:

*[...] волнует их только одно, **положат ли на лопатки** легкоатлеты-спринтеры остальной мир [...]*

*чиновничья «**сборная**» засуетилась, но в основном – под **прицелом** телекамер, ради самопиара.*

*Еще одно странное **соревнование** – это «пропихивание» в олимпийскую программу тех видов спорта [...]*

Olympiáda jde do finíše.

Литература

Bečka J.V., *Metafora ve větě*, NŘ, 54, с. 1, s. 1–14.

Čechová M. и др., 1997, *Stylistika současně češtiny*, Praha.

Chrzą V., 1999, *Metafory v politice*, Praha.

Lakoff G., Johnson M., 1980, *Metaphors We Live By*, Chicago: Chicago University Press.

Lakoff G., Johnson M., 2002, *Metafory, kterými žijeme*, Brno.

Lakoff G., 2006a, *The inconvenient truth about Iraq: It's an occupation, not a war*, US Berkeley News, http://www.berkeley.edu/news/media/releases/2006/07/05_lakoff.shtml

Lakoff G., 2006b, *Ženy, oheň a nebezpečné věci*, Praha.

- Nebeská I., 2005, *Metafora a metaforičnost*, [в:] Vaňková I. и др., *Co na srdci, to na jazyku*, Praha.
- Nekula M., 2000, *Metafora a poznání*, *Estetika*, 36, č. 3, с. 15–25.
- Pavelka J., 1982, *Anatomie metafory*, Brno.
- Белозерова Н.Н., 2008, *Метафоризация и дискурс*, [в:] *Язык и литература*, вып. 4, Тюменский гос. университет, <http://frgf.utmn.ru/last/No14/text01.htm> (10.11.2008).
- Будаев Э.В., 2007, *Становление когнитивной теории метафоры*, [в:] *Лингвокультурология*, вып. 1, Екатеринбург, с. 16–32, <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-07.htm> (10.11.2008).
- Григорьева О.Н., 2000, *Стилистика русского языка*, Москва.
- Зализняк А.А., 2006, *Многозначность в языке и способы ее представления*, Москва.
- Костомаров В.Г., 1971, *Русский язык на газетной полосе*, Москва.
- Назаренко Л., 2007, *Концепт Европа в современном российском политическом дискурсе*, [в:] *Современная чешская русистика (сборник чешской делегации): XI конгресс МАПРЯЛ «Мир русского слова и русское слово в мире»*, Ústí nad Orlicí, с. 33–40.
- Чудинов А.П., 2001, *Россия в метафорическом зеркале I–III: I – Русская речь 1*, с. 34–41, II – *Русская речь 3*, с. 31–37, III – *Русская речь 4*, с. 42–48.

Metaphorization of event in Russian and Czech press

Summary

Based on the conceptual metaphor theory, the current text investigates metaphorical perception of a single event in contemporary Russian and Czech press. Examples are taken from the newspaper coverage of May 2005 events (60th anniversary of the end of WWII) and of the 2008 Olympic Games in Being. Essential correspondence in motivation is found out. Moreover, Russian press is concluded to be more active and intensive in metaphorization with respect to semantic and formal aspects – more diverse range of semantic motivation, original semantic shifts and more elaborate, developed metaphors are found out in Russian.